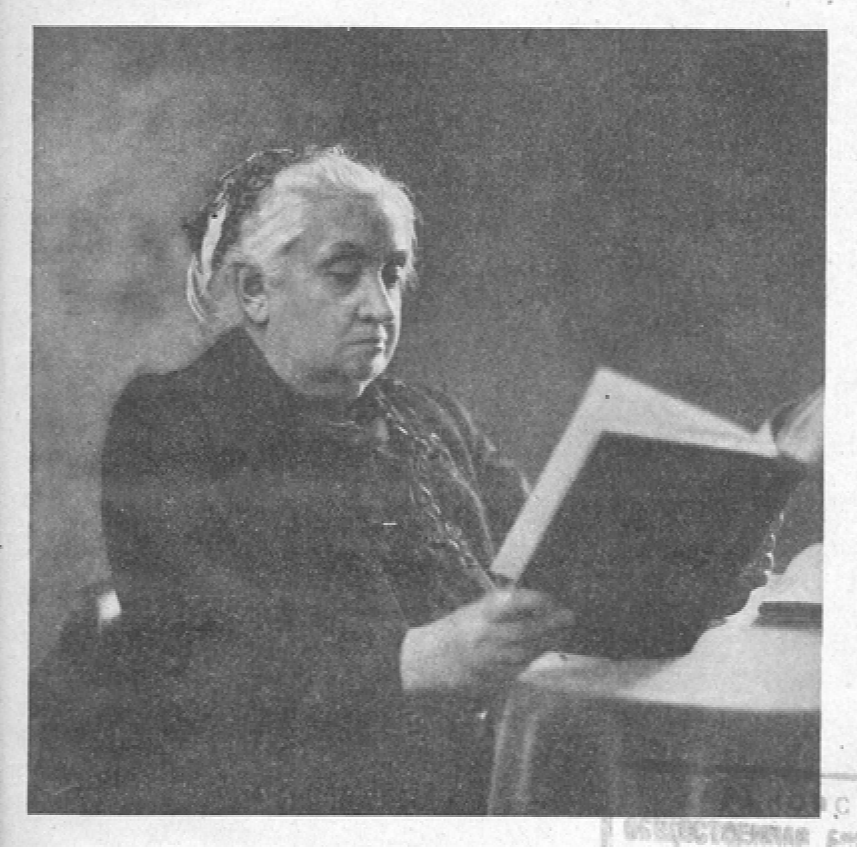
ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ РАБОТЫ ДЛЯ НАРОДА.

(Къ 50-ти лѣтнему юбилею **Х. Д. Алчевской**).

Х. Д. Алчевская.

Чистый доходъ съ изданія предназначается на образованіе при Комиссіи воскресныхъ школъ фонда имени Х. Д. Алчевской для выдачи пособій воскреснымъ школамъ.

Тип. П. П. Рябушинскаго. Москва, Путинковскій пер., соб. домъ.
1912.

Пятьдесятъ лѣтъ работы для народа

(Къ пятидесятилѣтнему юбилею X. Д. Алчевской).

Въ концѣ 50-хъ годовъ въ Россіи повѣяло свободой. Это было наканунѣ освобожденія крестьянъ. Все оживилось въ русской жизни, и съ радостнымъ трепетомъ ожидался счастливый день, когда спадутъ цѣпи съ народа-раба, и онъ, свободный, выйдетъ на свой „свободный трудъ". Но народъ былъ теменъ, невѣжественен, безграмотенъ, и одной изъ первыхъ заботъ общества, горѣвшаго желаніемъ быть ему полезнымъ, была забота объ его просвѣщеніи. И въ эти именно годы, наканунѣ реформы, началось широкое просвѣтительное движеніе: повсюду открывались школы, библіотеки, учрежденія для подготовки учителей, издавались журналы, въ которыхъ писали о вопросахъ воспитанія и обученія; наконецъ,—совершенно новое дѣло, начали открываться частныя школы для взрослыхъ. А такъ какъ взрослые рабочіе люди въ будни не имѣютъ досуга, то такія школы начали дѣйствовать по воскресеньямъ. Народъ повалилъ въ эти школы: подростки, взрослые, даже старики,—всѣ шли сюда, сознавая, что безъ знаній уже не проживешь на свѣтѣ. И въ 2—3 года такихъ воскресныхъ школъ открылось болѣе 300. Съ увлеченіемъ отдалась работѣ въ этихъ школахъ и русская интеллигенція, и здѣсь, среди добровольныхъ, безплатныхъ учителей, можно было встрѣтить самыхъ разнообразныхъ людей—и богатыхъ, и бѣдныхъ, и мужчинъ и женщинъ, и старыхъ, и молодыхъ. Весело, дружно, энергично велась работа въ этихъ школахъ для взрослыхъ; самыя теплыя отношенія царствовали между учащимися и учащими, и быстро достигались удивительные успѣхи: безграмотные люди научались читать и писать, у всѣхъ въ рукахъ была книга, и лучшія мысли лучшихъ людей наша родная литература,—дѣлались достояніемъ тѣхъ,

кто еще недавно жилъ въ полной тьмѣ. Правда, это широкое движеніе не долго продержалось. Очень скоро, по подозрѣнію въ неблагонадежности, воскресныя школы были поставлены въ тяжелыя условія работы: были сокращены ихъ программы, были изъяты нѣкоторые учебники и книги. А еще черезъ нѣсколько времени всѣ такія школы были закрыты „до преобразованія ихъ", какъ было объявлено начальствомъ. И, дѣйствительно, школы эти были преобразованы: онѣ были приравнены по программамъ и учебникамъ къ начальнымъ училищамъ. И была понятно, что когда можно было открывать вновь эти школы, работа въ нихъ уже не могла увлечь, какъ прежде: взрослымъ людямъ изъ народа такая школа, гдѣ все было сколкомъ со школъ дѣтскихъ, давала слишкомъ мало, а безплатнымъ учителямъ этихъ школъ была уже тяжела работа, поставленная въ такія узкія рамки. И опустѣли эти школы, и замерло это движеніе, такъ дружно и успѣшно было начавшееся.

Но бывали годы, когда прежнее увлеченіе этимъ дѣломъ охватывало русскую интеллигенцію, и открывались новыя и новыя школы, и оживлялась прежняя дѣятельность. И эта работа, начатая русской интеллигенціей 53 года тому назадъ, продолжается и до сего дня. Правда, было въ ней много остановокъ и заминокъ, правда, она шла скачками, должна была преодолѣвать немало препятствій и ограниченій; правда, результаты этой работы много меньше тѣхъ, на какіе разсчитывали друзья народнаго просвѣщенія, но все-таки она не заглохла, а продолжается. Сейчасъ, кромѣ воскресныхъ школъ по городамъ и деревнямъ, кромѣ вечернихъ школъ и курсовъ, есть публичныя лекціи, есть кое гдѣ и средняя школа для взрослыхъ, и народные университеты. И все это движеніе, созданное обществомъ, существующее на общественныя средства и держащееся общественною и большею частью безплатной работой, выросло изъ тѣхъ первыхъ воскресныхъ школъ, которыя возникли наканунѣ освобожденія крестьянъ.

И вотъ, въ одной изъ первыхъ такихъ воскресныхъ школъ, 50 лѣтъ тому назадъ, въ Харьковѣ начала свою работу по обученію взрослыхъ Христина Даниловна Алчевская, чей 50-лѣтній юбилей празднують въ нынѣшнемъ году всѣ, кому дорого просвѣщеніе народа. Прослужить 50 лѣтъ одному дѣлу, отдавать ему всю душу, какъ это дѣлаетъ Христина Даниловна, работать не за страхъ, а за совѣсть, это такая заслуга, которую не

можетъ забыть общество. И общество въ день 50-лѣтняго юбилея честной работницы кланяется ей низкимъ поклономъ.

Христина Даниловна родилась въ 1841 году, въ г. Борзнѣ Черниговской губерніи. Ея мать умная, талантливая, богатая, противъ воли родныхъ вышла замужъ за бѣднаго учителя городского училища, но этотъ бракъ по любви не принесъ ей счастья. Человѣкъ сухой и черствый, отецъ Х. Д. жилъ съ женой, не дружно; съ дѣтьми онъ былъ неласковъ, и вообще въ домѣ у нихъ нерѣдко было гнетуще-тяжело. Большое состояніе матери очень скоро было прожито, и семья жила бѣдно на одно учительское жалованье отца (у Х. Д. было еще два брата моложе ея). Печальны были дѣтскія воспоминанія Х. Д.: она помнитъ тяжелыя сцены между отцомъ, несправедливо обижавшимъ мать, которая боготворила его и все ему прощала: она помнитъ жестокія наказанія, какимъ отецъ подвергалъ ея младшихъ братьевъ; она помнитъ ужасныя сцены, когда крѣпостныхъ дѣвушекъ ея матери по приказанію отца наказывали розгами, а она, еще ребенокъ, и ея братья въ отчаяніи бросались передъ отцомъ на колѣни и, рыдая, умоляли простить несчастныхъ. Большимъ горемъ было для дѣвочки рѣшеніе отца не учить ее грамотѣ. Какъ ни просила объ этомъ мать, какъ ни умоляла сама дѣвочка, отецъ былъ непреклоненъ, находя, что грамота совсѣмъ не нужна для женщины. „Зачѣмъ?—спрашивалъ онъ. Чтобы писать любовныя записочки?“ И учитель семинаристъ былъ приглашенъ только для братьевъ. „Никто не видѣлъ, пишетъ Х. Д. въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ, забравшись въ уголокъ одичалаго сада, рыдала маленькая дѣвочка, лишенная права учиться, о чемъ она такъ мечтала. Но дѣвочка эта отличалась настойчивостью въ достиженіи цѣли: какъ только приходилъ семинаристъ и начиналъ занятія съ мальчиками, она подкрадывалась къ запертой двери, немножко пріотворяла ее и съ жадностью ловила каждое слово учителя. Такимъ образомъ она научилась читать и писать раньше, чѣмъ ея братья“. Когда мальчиковъ отдали въ гимназію, она, предоставленная себѣ, съ жадностью принялась за чтеніе, а по возвращеніи братьевъ изъ гимназіи съ горячимъ интересомъ разспрашивала ихъ о занятіяхъ, вмѣстѣ съ ними готовила уроки и, такимъ образомъ, брала съ бою тѣ знанія, въ которыхъ отказала ей судьба. Талантливость ея проявилась рано. Едва выучившись читать,

она наизусть знала всѣ басни Крылова и декламировала ихъ съ такимъ выраженіемъ, что ее заслушивались. Вскорѣ она перечитала почти всю библіотеку отца, хотя въ этой библіотекѣ книги были не для дѣтей. Но эти книги питали живое воображеніе дѣвочки, и она не только сама переживала горести и радости героевъ и героинь, — она дѣлала этихъ героевъ дѣйствующими лицами своихъ дѣтскихъ игръ. „Я не играла въ обыкновенныя дѣтскія куклы", пишетъ Х. Д. въ своихъ воспоминаніяхъ, „такъ какъ намъ не на что было покупать ихъ, а придумала вырѣзывать изъ бумаги самыя разнообразныя фигурки и одѣвать ихъ тоже въ бумажныя платьица. Здѣсь были и важныя дамы, и нарядныя барышни, и генералы, и господа во фракахъ, и музыканты, и лакеи, и горничныя. У каждаго изъ насъ дѣтей былъ свой столикъ. Я завладѣла самымъ лучшимъ: большимъ и съ полочкой, и пристроила его въ углу. Такимъ образомъ у меня образовалось два этажа— верхній и нижній. Въ нижнемъ помѣщались комнаты, а въ верхнемъ—роскошный залъ съ хорами; хоры, конечно, я сдѣлала сама изъ картона и цвѣтной бумаги, точно также, какъ и мебель, приводившую въ удивленіе и восторгъ моихъ братьевъ. Семейства ихъ бумажныхъ куколъ пріѣзжали къ моимъ, и знакомство съ моимъ домомъ считалось большой честью. Игры у насъ были самыя разнообразныя, вычитанныя мною изъ романовъ; такъ напримѣръ, Синдикъ университета, (не знаю, гдѣ я вычитала это названіе) человѣкъ очень умный и талантливый полюбилъ свѣтскую богатую дѣвушку, первую красавицу моего салона, и, когда родители отказали ему, онъ лишилъ себя жизни. Помню, какія пышныя похороны устроили мы ему: гробъ былъ выклеенъ серебряной бумагой, за гробомъ шла масса народа— всѣ бумажныя куклы, которыя имѣлись у насъ, на гробу лежали вѣнки изъ маленькихъ искусственныхъ цвѣтовъ, которые мы выпросили со старой шляпы нашей матери. Процессія тянулась отъ столика и до рояля, который считался у насъ чѣмъ-то вродѣ церкви; впродолженіи всего пути мы пѣли вѣчную память, прерывая пѣніе рыданіями; барышня красавица тоже рыдала. Но бывали у насъ на этомъ старомъ роялѣ и свадьбы. Тогда я садилась за фортепьяно и подъ аккомпаниментъ его мы пѣли: „Господи помилуй", въ этомъ заключался весь обрядъ. Игры наши были настолько интересны, что когда у матери нашей бывали гости,

они подкрадывались потихоньку къ дверямъ и цѣлыми часами слушали насъ, между тѣмъ, какъ мы не подозрѣвали этого.

„Изъ нея непремѣнно выйдетъ писательница“, говорили дамы, восхищаясь силой моего воображенія.

А въ это время доморощенный оркестръ, состоявшій изъ моихъ двухъ братьевъ, пилилъ на гребешкахъ мазурку, за что я платила имъ по копейкѣ въ вечеръ“.

Выдающіяся способности дѣвочки обнаружились однажды совершенно неожиданнымъ образомъ. Дѣло было такъ. Братьямъ въ гимназіи задавали сочиненія, и работу эту начала выполнять за нихъ сестра. Сочиненія обращали насебя вниманіе учителей, и нерѣдко на поляхъ тетрадей мальчиковъ стояли такіе отзывы: „прекрасно“ „великолѣпно“, „виденъ несомнѣнный талантъ“. Семья Х. Д. въ это время жила очень бѣдно, у братьевъ часто не хватало ни книгъ, ни учебныхъ пособій, и купить всего этого было не начто. И вотъ дѣвочка задумала использовать свои сочинительскія способности, чтобы помочь братьямъ: она стала за плату писать сочиненія гимназистамъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Х. Д. въ своихъ воспоминаніяхъ. „Въ братьяхъ моихъ (которыхъ считали за авторовъ прекрасныхъ сочиненій) стали заискивать товарищи: „напиши мнѣ къ завтрему сочиненіе, я дамъ тебѣ за это двугривенный“. „А я карандашъ и ручку“, „а я дюжину перьевъ и тетрадь“, говорили они наперерывъ· И я съ восторгомъ получала эти двугривенные и пріобрѣтала на нихъ необходимые для братьевъ учебники. Но вотъ что случилось однажды мнѣ пришлось писать сочиненія ночью: ихъ было такъ много и всѣ на произвольныя темы. Голова моя отяжелѣла, глаза смыкались и, не соображая болѣе, что я должна говорить отъ лица мальчика, а не дѣвочки, я начала писать „я была“, „я видѣла“ и т. д. Само собою разумѣется, что это обратило вниманіе учителя и началось дознаніе“.

Литературныя упражненія дѣвочки не ограничились однимъ писаніемъ сочиненій для гимназистовъ; скоро обратили на себя вниманіе ея стихотворенія, напечатанныя въ газетѣ, о которыхъ заговорили въ Курскѣ, гдѣ тогда жила семья; и отецъ, такъ противившійся тому, чтобы дѣвочка училась грамотѣ, не могъ не гордиться теперь, когда дочь его называли „поэтессой“. Годы шли; дѣвочка превратилась въ молодую, красивую дѣвушку, которая поражала многихъ своею несомнѣнной даро-

витостью: она прекрасно и выразительно читала, удивительно талантливо играла на сценѣ, а ея чудный голосъ и красивая наружность сулили ей выдающуюся артистическую карьеру. Но и тутъ отецъ воспротивился тому, чтобы развивать этотъ даръ и не согласился отпустить дочь учиться пѣнію, какъ это предлагала знакомая семья.

16-ти лѣтъ Х. Д. лишилась матери, которую страстно любила, и это первое большое горе глубоко потрясло ее. Жизнь въ семьѣ стала еще тяжелѣе. Зато Х. Д. въ эти годы познакомилась съ интересными людьми; она стала бывать въ кружкахъ молодежи, гдѣ много читали, спорили, много говорили, о народѣ, о работѣ для народа. Живая, пылкая, талантливая дѣвушка переходила отъ одного увлеченія къ другому: то она пожинала лавры исключительныхъ успѣховъ, участвуя въ спектакляхъ въ самыхъ свѣтскихъ домахъ Курска (что особенно нравилось ея честолюбивому отцу), то она пропадала въ кружкѣ ссыльнаго Левченко, гдѣ собиралась серьезная молодежь, то она увлекалась малорусскимъ движеніемъ, то, случайно попавъ въ деревню и впервые увидавъ школу и деревенскихъ ребятишекъ, она загоралась интересомъ къ этому новому для нея дѣлу. Во всякомъ случаѣ, не даромъ прожила она эти годы: она впитала въ себя мысли и чувства эпохи 60-хъ годовъ, а это были честныя мысли и добрыя чувства,—и они были направлены къ народу.

Очень молодой дѣвушкой Х. Д. вышла замужъ за Алчевскаго и переѣхала на житье въ Харьковъ. „Очутившись въ большомъ культурномъ городѣ послѣ заскорузлаго Курска, пишетъ Х. Д. въ своемъ дневникѣ,— я вся пламенѣла желаніемъ окунуться въ общественную дѣятельность и сдѣлать въ жизни что-либо большое, хорошее". И съ этого времени, съ первыхъ лѣтъ своей замужней жизни Х. Д., дѣйствительно, не переставала дѣлать въ жизни „большое и хорошее дѣло". Такое было тогда время, что жизнь била ключемъ, и лучшіе люди рвались на работу для народа. Такая же горячая симпатія къ народу жила въ душѣ и Х. Д. Эта симпатія зародилась въ ней еще тогда, когда она дѣвочкой, съ ужасомъ въ дѣтской душѣ присутствовала при экзекуціяхъ, какія ея отецъ производилъ надъ несчастными крѣпостными дѣвушками; эта симпатія упрочилась также еще въ дѣтствѣ, когда она не только любила и жалѣла своихъ крѣпостныхъ слугъ, но и

Х. Д. Алчевская въ 1862 году.

тогда уже стремилась что-нибудь сдѣлать для нихъ. „Съ самаго ранняго дѣтства,—пишетъ Х. Д. въ своихъ воспоминаніяхъ,—я чувствовала какой-то особенный интересъ къ кухнѣ, куда намъ, дѣтямъ, запрещено было ходить. Я очень любила всѣхъ материнскихъ слугъ, и они любили меня. И вотъ, когда отца и матери не бывало дома или они были заняты гостями, я пробиралась потихоньку въ подвальный этажъ кухни со своею любимою книжкою въ рукахъ, усаживалась на почетное мѣсто, на скамейку подъ образами, и начиналось громкое чтеніе. Вѣроятно, въ это чтеніе я влагала много чувства и выразительности, такъ какъ моя аудиторія слушала меня, затаивъ дыханіе, и въ кухнѣ раздавались то громкій смѣхъ, то сдержанные вздохи женщинъ".

Быть-можетъ, и та яркая картина народной школы, какую видѣла Х. Д. въ имѣніи своей дѣвичьей подруги, не осталась безъ вліянія на выборъ дѣла ея жизни и дала опредѣленное направленіе той жаждѣ поработать для народа, какое захватило тогда многихъ лучшихъ людей. Х. Д. выбрала себѣ дорогу въ жизни. Талантливая молодая женщина, которая могла бы быть выдающейся писательницей, выдающейся артисткой, выдающейся пѣвицей,—она предпочла быть только учительницей, и всю жизнь осталась ею. И никогда она не раскаявалась въ сдѣланномъ выборѣ. Впослѣдствіи многіе, даже такіе писатели, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, говорили ей, что изъ нея могла бы выйти писательница, что у нея выдающіяся литературныя способности. „Какую гордость испытавала я,—говоритъ Х. Д., вспоминая объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—какую гордость испытывала я отъ сознанія, что вмѣсто того, чтобы писать романы, я отдаю всѣ свои силы и способности народу".

Въ Харьковѣ, когда туда переѣхали Алчевскіе, только-что открылась воскресная школа, и Х. Д. поступила въ нее учительницей. Молодая чета Алчевскихъ въ это время жила болѣе чѣмъ скромно. У мужа Х. Д. былъ маленькій чайный магазинъ, и оба они торговали въ немъ, и этой торговлей только и существовали. Воскресная школа, въ которой начала работать Х. Д., очень скоро, какъ и другія школы, была закрыта начальствомъ по подозрѣнію въ неблагонадежности, и приходилось прекращать такъ хорошо начавшееся дѣло. Въ школѣ распоряженіе о закрытіи ея вызвало большое волненіе: и учительницы, и ученицы растерялись;

слышались плачъ и рыданія, слышались вопросы: „Какъ же намъ быть сейчасъ?", „Гдѣ же намъ учиться?" Всѣхъ охватило уныніе. Но Х. Д. нашла выходъ: она пригласила всю свою группу къ себѣ на домъ, и въ своей маленькой тѣсной квартиркѣ продолжала начатое дѣло, таясь и скрываясь, потому что, за незаконное обученіе, безъ разрѣшенія, она могла отвѣчать передъ начальствомъ. Ей и указывали на опасность ея затѣи, говорили, что можетъ пострадать и ихъ торговля, единственный въ то время источникъ средствъ семьи, но она не боялась этого и ради личнаго спокойствія и благополучія не хотѣла жертвовать любимымъ дѣломъ. И такъ въ этой маленькой квартиркѣ эта „тайная" воскресная школа просуществовала долго. Въ это время Х. Д. была уже матерью семейства, ей приходилось нянчить, кормить, воспитывать своихъ дѣтей, приходилось вести хозяйство, торговать въ магазинѣ, и все-таки всегда находила она время для любимаго дѣла. Такъ пережилось тяжелое безвременье, и, когда школы были вновь разрѣшены,—и Х. Д. со своею группою опять вышла на свѣтъ Божій. Прошло нѣсколько лѣтъ, и Х. Д. послѣ ряда долгихъ хлопотъ удалось добиться разрѣшенія собственной воскресной школы*). И вотъ, когда уже желанное разрѣшеніе было въ рукахъ, оказалось, что Х. Д., не учившаяся ни въ какомъ учебномъ заведеніи, и, слѣдовательно, не имѣющая диплома, не имѣетъ и права на преподаваніе въ разрѣшенной ей школѣ. „Нуженъ дипломъ"—разъяснило ей начальство. „Какъ дипломъ?—сказала я, чуть держась на ногахъ, разсказываетъ Х. Д. въ своемъ дневникѣ,—я думала, что необходимо выхлопотать только разрѣшеніе. Помилуйте! Я восемь лѣтъ занимаюсь обученіемъ".—Это ничего не значитъ!—отвѣчали мнѣ.—Необходимо держать экзаменъ".—„Какой? У кого"? Изъ чего?—„При училищномъ совѣтѣ изъ русскаго языка, ариѳметики, Закона Божія". По случаю моего экзамена открытіе школы отложилось

*) Первой распорядительницей этой школы была Елизавета Ивановна Цвѣткова, въ то время жившая въ Харьковѣ, гдѣ ея мужъ занималъ мѣсто правителя канцеляріи при губернаторѣ. Переѣхавъ въ Москву, Е. И. продолжала и здѣсь работу по обученію взрослыхъ, открывъ вмѣстѣ съ группой другихъ лицъ (Глинка, Костромина, Бурмистрова) 1-ю въ Москвѣ воскресную школу и состоя въ теченіе 23 лѣтъ, до самой своей смерти ея распорядительницей. Москва, хорошо знаетъ полезную дѣятельность Е. И., а ея ученицы хранятъ о ней теплыя воспоминанія, что такъ ярко выразилось въ день, когда чествовалась память Е. И. Цвѣтковой.

еще на мѣсяцъ. Трепетно перебирая въ умѣ своемъ всѣ молитвы и заповѣди, я шла на экзаменъ. Мысль, что отъ каждаго моего слова зависитъ „быть или не быть“ школѣ, какъ-то болѣзненно давило меня; я чувствовала слезы въ горлѣ и готова была расплакаться. Наконецъ, испытаніе окончилось. „Это ваше свидѣтельство на право преподаванія“,—сказалъ мнѣ учтиво предсѣдатель, передавая бумагу. Я чуть не заплакала отъ радости“.

Годы шли, увеличивалось благосостояніе семьи Алчевскихъ, далеко позади осталось то время, когда нужно было думать о кускѣ насущнаго хлѣба. Х. Д. сдѣлалась очень богатой женщиной, и она могла бы, при помощи этого богатства, взять отъ жизни все, чего бы ни захотѣла. Наконецъ, она могла бы вся отдаться семьѣ: у нея было шесть человѣкъ дѣтей, которыхъ она сама воспитывала, сама учила. И были люди, которые ставили ей въ упрекъ, что она отнимаетъ у своихъ дѣтей часть своего времени. Но Х. Д. горячо защищала свое право работать не только для семьи.

„Неужели это преступленіе, писала она въ одномъ изъ своихъ писемъ, что я чувствую потребность удѣлить время и чужимъ дѣтямъ, незнающимъ родительской ласки, что я люблю, что я учу этихъ дѣтей. Неужели мои дѣти когда нибудь поставятъ мнѣ это въ упрекъ? Нѣтъ! Никогда! Я вѣрю даже, что это воспоминаніе разовьетъ въ нихъ симпатію къ той же дѣятельности и такимъ образомъ стремленія мои не пропадутъ“. И Х. Д. тѣмъ болѣе имѣла право говорить такъ, что она, дѣйствительно, была прекрасной матерью и, дѣйствительно, воспитала своихъ шестерыхъ дѣтей „вѣрой и правдой“, по ея собственнымъ словамъ.

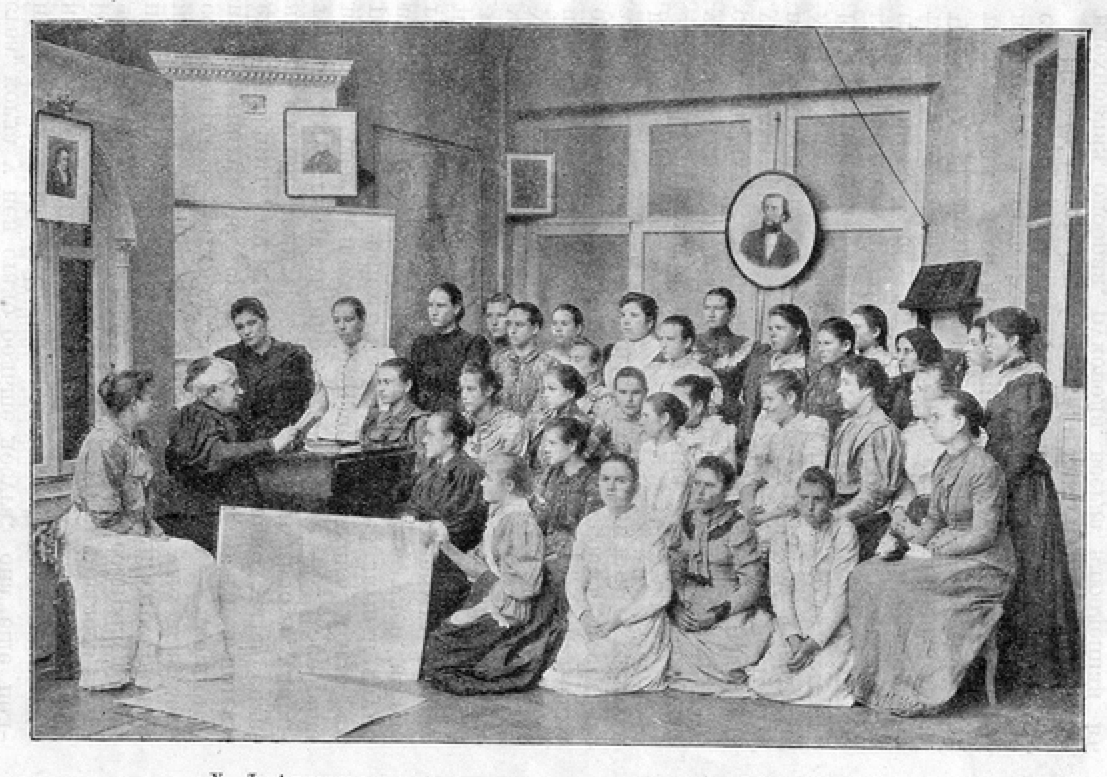
И она была права въ своихъ ожиданіяхъ, что дѣти поймутъ ее; краснорѣчиво говоритъ объ этомъ стихотвореніе, посвященное ей ея дочерью, Христиной Алексѣевной Алчевской, авторомъ сборника задушевныхъ малороссійскихъ стиховъ—„Туча за солнцемъ“. Вотъ это посвященіе:

Тобі, що свій народ кохаэш,
Чий образ в серці я ношу,
Що і мене́ любить навчаэш,
Тобі задумана пишу:
  Думки про щастьэ у свободі,
  Про пал завзятий в боротьби,
  Про скарб захований в народі,
  Усе, голубонько, тобі!

И такимъ образомъ ничто не заслонило ея прежняго интереса къ дѣлу народнаго образованія. Напротивъ, теперь, когда въ ея распоряженіи были большія средства, когда у нея стало больше досуга, она еще полнѣе отдалась дѣлу. Воскресная школа, распорядительницей и учительницей которой была Х. Д., стала быстро развиваться. Съ каждымъ годомъ увеличивалось количество ученицъ въ ней. Постепенно собирался при ней образцовый музей учебныхъ пособій, прекрасная и большая библіотека. Школа теперь уже владѣетъ собственнымъ двухъэтажнымъ зданіемъ — дворцомъ, выстроеннымъ на средства Х. Д. и обезпеченнымъ ею большимъ капиталомъ. Удивительно умѣя сплачивать людей, заинтересовывать своимъ дѣломъ, удивительно умѣя внушать вѣру въ это дѣло,—Х. Д. собрала вокругъ своей школы большой кружокъ, и всѣ съ радостью и увлеченіемъ несли свой безплатный трудъ въ эту многолюдную, оживленную, какъ улей, весело гудящую школу. И учительницы ежедневныхъ школъ, и свѣтскія барышни, и студенты высшихъ учебныхъ заведеній, и выдающіеся педагоги,—всѣмъ находилось мѣсто и дѣло въ дружной общей работѣ. Всѣ дѣти Х. Д. были вовлечены ею въ ту же работу, и каждый изъ нихъ отдавалъ школѣ часть своего времени. А сама она безсмѣнно вотъ уже 50 лѣтъ на своемъ посту, то занимаясь въ своей группѣ, то выдавая книги, то читая вслухъ.

Х. Д. прекрасная учительница, и ея образцовые уроки производили большое впечатлѣніе на тѣхъ, кто слышалъ ихъ. А ученицы такъ любили эти уроки, что, уговаривая своихъ безграмотныхъ подругъ поступать въ школу, говорили имъ: „Ты только попроси, чтобы тебя Х. Д. учила,—живо научишься: у нея рука легкая". Ея собственныя дѣти, когда Х. Д. учила ихъ въ дѣтствѣ, какъ празднику радовались ея урокамъ: „когда я буду именинникъ, мама,—говорилъ ея маленькій сынишка,—ты мнѣ ничего не дари, а только учи меня цѣлый день". Чтенія Х. Д. пользовались заслуженной извѣстностью, такъ же какъ и ея всегда простыя яркія рѣчи и бесѣды въ школѣ. „Какъ говоритъ Х. Д., разсказывала одна слушательница такихъ бесѣдъ—ажъ все трусится!".

И какъ рядовой работникъ, и какъ душа всей школы, вдохновляя, одобряя, руководя, всегда влюбленная въ свое дѣло, всегда увлекающаяся имъ,—такъ работаетъ Х. Д. долгіе годы.

Х. Д. Алчевская со своими ученицами воскресной школы.

И она хранила въ себѣ огонь своего увлеченія и своей любви къ дѣлу всегда: и въ годы, когда работалось легко, когда можно было работать свободно и радостно, и тогда, когда на дѣло надвигались невзгоды, когда его урѣзывали, сдавливали въ тискахъ узкихъ программъ и строгихъ предписаній, когда у другихъ работниковъ опускались руки и падала энергія, когда многіе разочарованные уходили. Она одна не уходила, не бросала, не падала духомъ, мирилась со всѣми урѣзками и препятствіями и всѣми силами отстаивала свое дѣтище. И харьковская школа ни на одинъ день не прерывала своей работы, и ежегодно черезъ нее проходили сотни дѣвушекъ и женщинъ, которыя безъ этой школы остались бы неграмотными. „Я прежде читать и писать не умѣла, была я темна, какъ осенняя ночь, мнѣ свѣтъ показала воскресная школа“, такъ писала въ незатѣйливыхъ стихахъ взрослая ученица Х. Д. И съ каждымъ годомъ увеличивающееся число ученицъ въ школѣ лучше словъ говоритъ о томъ, какъ нужна она тѣмъ, для кого создана.

Работы въ школѣ всегда было много, и это не только по воскресеньямъ, когда происходили занятія. Такое огромное, сложное дѣло, какъ школа съ 500 — 700 учащихся и сотней учащихъ, естественно, требовало массы времени и хлопотъ. Каждый день въ домѣ Х. Д. происходили собранія по дѣламъ школы, и на этихъ собраніяхъ съ вниманіемъ и любовью обсуждались всѣ вопросы школьной жизни, обсуждался общій планъ занятій, программы, школьные порядки, устройство праздниковъ, вопросы хозяйственные. И такъ много всегда было такой работы, что почти все время Х. Д., когда уже подросли ея дѣти, уходило на нее.

Надо сказать, что Х. Д. никогда не замыкалась въ узкія рамки только своего, хотя и большого, но все-же единичнаго дѣла: ей было дорого обученіе взрослыхъ, вообще, ей былъ дорогъ народъ, она болѣла его невѣжествомъ, и вотъ почему она приходила на помощь всякой школѣ взрослыхъ, гдѣ бы и кѣмъ бы она ни открылась. И въ тѣ годы, когда движеніе по обученію взрослыхъ начинало оживать, Х. Д. была буквально завалена письмами, въ которыхъ просили у ней совѣта, указанія и помощи. Она цѣлые дни проводила въ своей рабочей комнатѣ, диктуя отвѣты на всѣ полученные запросы, разсылая всюду тѣ статьи, матеріалы, отчеты, которые могли помочь при открытіи школы,

иногда помогая бѣднымъ школамъ и книгами и деньгами, а, самое главное, всегда съ полной готовностью и ласковымъ привѣтомъ отзываясь на каждый запросъ. Каждая вновь открывавшаяся школа доставляла ей безграничную радость; особенно радовалась она открытію женскихъ школъ, справедливо считая, что грамотная женщина, будущая мать, внесетъ въ семью много свѣта и уже не оставитъ своихъ дѣтей безграмотными. Знала она также и то, что въ народѣ обученіе женщины все еще считается лишней роскошью, ненужнымъ баловствомъ; вспоминала она, можетъ-быть, и свое грустное дѣтство, когда и ей лишь украдкой удалось научиться грамотѣ, и потому женскія школы были ей особенно близки.

Придавая большое значеніе тому, чтобы свѣдѣнія о воскресныхъ школахъ распространялись какъ можно шире, Х. Д. не разъ принимала участіе на выставкахъ по народному образованію и выставляла на нихъ свою школу, не боясь ни хлопотъ, ни издержекъ, не жалѣя ни силъ, ни времени. Она сама укладывала въ ящики все свое огромное школьное богатство, сама запаковывала весь школьный музей, сама разставляла все это на выставкѣ, и цѣлыми днями сидѣла тамъ, давая разъясненія и указанія, разсказывая о школѣ, увлекая своей вѣрой, поражая своей любовью къ дѣлу. Когда въ 1896-мъ году, въ Нижнемъ Новгородѣ была открыта всероссійская выставка, Х. Д. устроила тамъ свой павильонъ воскресныхъ школъ и собрала туда все интересное, что можно было достать изъ существовавшихъ тогда въ Россіи воскресныхъ школъ, съ любовью разставила и разложила всѣ эти матеріалы, и цѣлые дни проводила въ этомъ павильонѣ, всегда готовая все показать, все объяснить каждому вновь приходящему посѣтителю, никогда не тяготясь, никогда не уставая. И неудивительно, что въ этотъ скромный павильонъ такъ и тянуло людей. И нерѣдко здѣсь можно было встрѣтить то группу учительницъ и учителей изъ далекой глухой провинціи, то группу молодежи, кончающихъ курсъ гимназистокъ или кучку свѣтскихъ людей, изъ любопытства зашедшихъ въ павильонъ, и среди этой группы,— Х. Д. съ горящими глазами, съ пламенной рѣчью. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ она въ одномъ изъ дневниковъ впечатлѣнія отъ своихъ выставочныхъ знакомствъ:

„Какъ-то въ павильонъ зашелъ учитель русскаго

языка одной женской гимназіи съ просьбой дать разъясненія цѣлой группѣ гимназистокъ. „Боже, до чего мы дожили,—думала я съ трепетной радостью, говоря слова привѣта учителю,—меня просятъ говорить съ женской учащейся молодежью о значеніи воскресныхъ школъ! Да могутъ ли быть для меня большая радость и большее счастье?“ Не прошло и получаса, какъ нашъ павильонъ наполнился взрослыми барышнями въ форменныхъ платьяхъ и нѣсколькими классными дамами въ сопровожденіи учителя. Я размѣстила ихъ такимъ образомъ, чтобы они всѣ могли слышать меня, а сама начала держать имъ такую рѣчь: „Задумывались ли вы, господа, какъ проводитъ свое дѣтство и юность простая бѣдная дѣвушка? Вы родились въ счастливыхъ условіяхъ, ваши первые годы были окружены заботой и лаской; когда вы сдѣлались старше, васъ начали учить и воспитывать; когда вы кончите курсъ, васъ назовутъ образованной дѣвушкой. Не то бываетъ въ народѣ. Послѣ невеселаго дѣтства гдѣ-нибудь въ кухнѣ, при матери-кухаркѣ или прачкѣ, дѣвочку бросаютъ къ швеѣ или модисткѣ, тоже мало образованной женщинѣ, смотрящей на нее, какъ на рабочую силу. Никто не задумывается, есть ли у дѣвочки способности, не слѣдуетъ ли ее учить. И такъ проходитъ день за днемъ, годъ за годомъ въ этой рабочей сутолокѣ...“ И. Х. Д. разсказываетъ молоденькимъ слушательницамъ о воскресныхъ школахъ, о ихъ значеніи, и кончаетъ горячимъ призывомъ: „У васъ въ городѣ также есть воскресная школа. Берегите ее, любите ее, и, когда выростете и окончите курсъ,—примите въ ней участіе. О, какъ я буду счастлива тогда сознаніемъ, что отъ меня первой вы услышали о значеніи воскресной школы!“ Я оглянулась на дѣвушекъ: глаза ихъ сіяли, щеки горѣли; имъ, видимо, не хотѣлось уходить,—имъ хотѣлось слушать еще и еще. На другой день учитель русскаго языка зашелъ ко мнѣ проститься и поблагодарить за пріемъ. „Боже мой, что вы сдѣлали съ этими молодыми сердцами!—говорилъ онъ мнѣ, улыбаясь. Мнѣ разсказывали, что дѣвушки не спали всю ночь напролетъ, что онѣ припоминали каждое ваше слово. О, я увѣренъ, что не найдется ни одной изъ нихъ, которая уклонилась бы со временемъ отъ обязанности учительницы воскресной школы“.

И это, конечно, былъ не единственный случай! Многіе и многіе изъ посѣтителелей павильона уходили изъ него, воодушевленные Х. Д. готовые отдаться тому же

дѣлу обученія взрослыхъ. Въ павильонѣ лежала особая тетрадь, въ которой посѣтители записывали свои впечатлѣнія отъ выставки. И вотъ въ этой тетради можно было прочесть такія, напр., записи: „Посѣщеніе павильона воскресныхъ школъ возбудило во внѣ радостное чувство; съ страстнымъ желаніемъ лечу я на старое свое мѣсто заниматься въ школѣ, а воскресенье посвятить воскресной школѣ. Великое спасибо за возбужденное во мнѣ чувство, благодаря которому я могу сказать: я счастливъ". Или другая запись: „Искренно благодарю за ту вѣру въ дѣло восресныхъ школъ, которую вдохнули въ меня здѣсь". И послѣ нижегородской выставки, послѣ работы на ней Х. Д., открывается цѣлый рядъ новыхъ воскресныхъ школъ въ городахъ, деревняхъ, селахъ, и опять полетѣли къ Х. Д. письма съ вопросами, и опять пришлось ей ободрять начинающихъ, посылать свои матеріалы и привѣтствовать вновь открывающіяся школы.

Не прерываются эти сношенія съ иногородними школами и до сего дня. Вотъ напр., отрывокъ письма, писаннаго всего годъ назадъ: „Глубоко чтимая и давнолюбимая Х. Д.! Не знаю, какъ благодарить васъ за ваше милое, теплое письмо. Посылая свою просьбу въ школу, я ожидала, что кто-нибудь изъ учительницъ отвѣтитъ мнѣ, и вдругъ, къ неописуемой моей радости, получаю одновременно съ программой и ваше письмо!" Въ другомъ письмѣ, послѣ просьбы о присылкѣ какихъ-то тетрадей и учебниковъ, читаемъ такую фразу: „Я такъ смѣло обращаюсь къ вамъ во всѣхъ затрудненіяхъ по школѣ, потому что чувствую живую связь съ вами. Вы, 27 лѣтъ тому назадъ, заронили во мнѣ искру любви къ школѣ, и она не тухнетъ до сихъ поръ". И такихъ писемъ у Х. Д. цѣлыя сотни... Да, велико ея значеніе для работниковъ этого дѣла. Не даромъ учительницы одной далекой провинціальной школы писали ей: „Отдаленныя отъ васъ на многія сотни верстъ, никогда не видавшія васъ, не знающія васъ лично, мы тѣмъ не менѣе глубоко сознаемъ свою нравственную связь съ вами".

И не только эта отзывчивость, эта готовность сейчасъ же придти на помощь каждому товарищу по работѣ, подѣлиться съ нимъ и своимъ опытомъ, и всѣмъ, чѣмъ можно,—цѣнно въ сношеніяхъ Х. Д. съ иногородними школами. Цѣнно было и ея умѣнье сводить вмѣстѣ, объединять работниковъ одного и того же дѣла. Сколько

такихъ лицъ перезнакомила она между собою, будь-то въ Харьковѣ, въ ея школѣ, на ея школьныхъ собраніяхъ, или въ другомъ мѣстѣ, при своемъ случайномъ проѣздѣ черезъ Москву, Петербургъ. И въ результатѣ этого ея умѣнья—соединять людей, толкать ихъ другъ къ другу, заинтересовывать другъ-другомъ—явилось то, что многіе испытали на себѣ радостное сознаніе чего-то общаго въ своей отдѣльной работѣ, сознаніе какой-то дружеской, товарищеской поддержки *).

Х. Д. впрочемъ занималась не одними воскресными школами. Въ своемъ имѣніи Алексѣевкѣ она устроила образцовую начальную школу для дѣтей, съ прекрасной библіотекой при ней, а въ Харьковѣ она всегда отзывалась на каждое живое общественное дѣло, имѣвшее связь съ народнымъ образованіемъ,—какъ народныя чтенія, народныя библіотеки и т. п. Х. Д. состоитъ членомъ многихъ обществъ и между прочимъ почетнымъ членомъ Московскаго О-ва Грамотности.

Работая практически въ дѣлѣ народнаго образованія Х. Д. сдѣлала и нѣсколько цѣнныхъ вкладовъ въ литературу. Вспомните ея дѣтскія чтенія въ кухнѣ крѣпостнымъ слугамъ, тайкомъ отъ родныхъ, не сочувствовавшихъ ея сближенію съ „челядью“. Такія чтенія съ народомъ сдѣлались также однимъ изъ ея любимыхъ дѣлъ. Въ своемъ имѣніи Алексѣевкѣ, въ особо выстроенной хатѣ, чтобы никто и ничто не мѣшало чтенію и задушевнымъ бесѣдамъ съ крестьянами, Х. Д. уже много лѣтъ тому назадъ начала знакомить крестьянъ съ лучшими произведеніями и нашей, и иностранной литературы. Въ тѣ далекія времена еще господствовалъ взглядъ на крестьянина какъ на человѣка чуть ли не другого міра, не способнаго понять того, что волнуетъ, что нравится человѣку интеллигентному, и многіе поднимали на смѣхъ увлекающуюся Х. Д., которая читала крестьянамъ, да еще малороссамъ, яко бы не понимающимъ русской рѣчи,—Лермонтова, Пушкина, даже,—страшно сказать,—Шекспира, Шиллера. Но Х. Д. не смущалась этими толками, и въ теченіе многихъ лѣтъ въ маленькую хату собиралась группа крестьянъ и переслушала въ мастер-

*) Московскія воскресныя школы особенно хорошо знаютъ эту организаторскую дѣятельность Х. Д. Всякій ея пріѣздъ въ Москву объединялъ всѣхъ московскихъ работниковъ дѣла, и всѣ, кому случалось бывать въ этихъ многолюдныхъ, задушевныхъ собраніяхъ, сохранили о нихъ очень яркія воспоминанія.

Х. Д. Алчевская среди крестьянъ с. Алексѣевки.

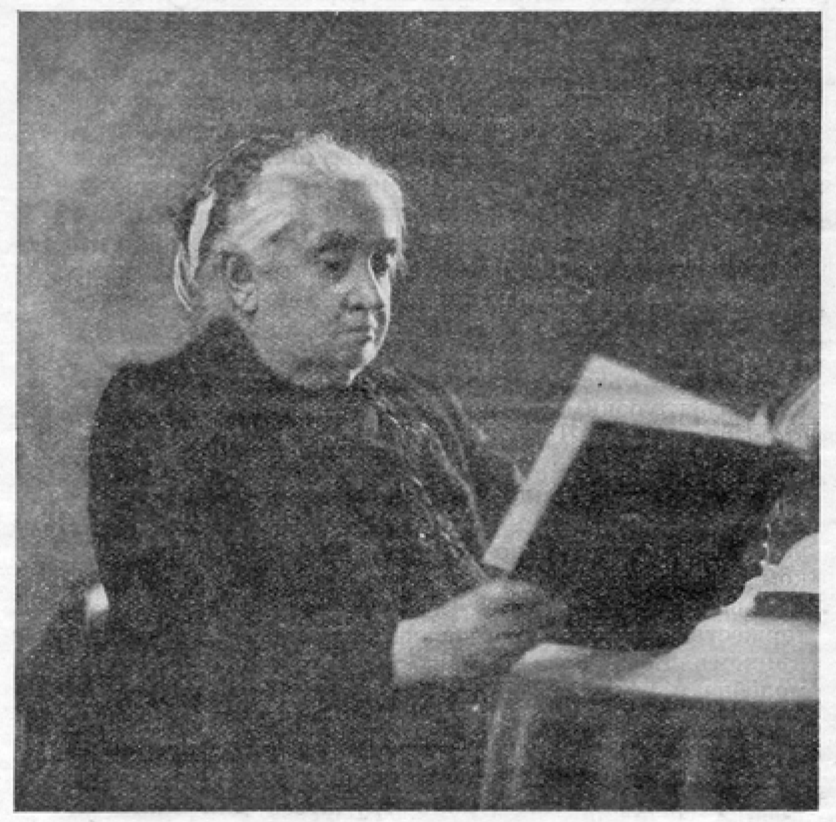
скомъ чтеніи Х. Д. цѣлый рядъ выдающихся произведеній. Выдающееся драматическое дарованіе Х. Д., не нашедшее себѣ примѣненія на сценѣ, ярко проявлялось на этихъ чтеніяхъ „Во дни юности, писала Х. Д. въ своемъ дневникѣ, знатоки признавали во мнѣ большой драматическій талантъ. Если это вѣрно, то какъ я горда и счастлива, что отдала его не праздной и сытой толпѣ, а мужицкой хатѣ, въ которой, во время моего чтенія Грозы Островскаго, слышались громкія рыданія“. Послѣ чтенія обыкновенно завязывались разговоры, обмѣнъ мнѣній. Сама Х. Д. и ея помощники, особенно часто ея дочь, тогда еще дѣвочка,—записывали эти бесѣды, и получился интересный матеріалъ, который ясно сказалъ сомнѣвающимся, что народъ способенъ и понимать, и цѣнить литературныя произведенія, что онъ по духу—родной братъ интеллигенціи. Чтенія въ деревнѣ, которыя происходили въ лѣтнее время, были перенесены затѣмъ и въ городъ, и здѣсь слушателями явились городскія жительницы, большія и маленькія ученицы воскресной школы. Эти чтенія велись уже большой группой лицъ, и, такимъ образомъ, было перечитано и провѣрено огромное количество книгъ. Общимъ трудомъ этого кружка лицъ и создалось два, а впослѣдствіи и три тома книги „Что читать народу?“,—книги, которая въ свое время была встрѣчена, какъ цѣлое откровеніе и которая и до сихъ поръ является настольной для всякаго, занимающагося народнымъ образованіемъ. Эта книга примѣнила совершенно новый пріемъ. Составительницы ея захотѣли выслушать мнѣніе самого народа, отъ него узнать объ его вкусахъ и симпатіяхъ, отъ него самого выслушать, какъ относится онъ къ той или иной книгѣ, и только тогда, на основаніи этихъ отзывовъ и этого пониманія, высказываться о книгѣ и считать ее заслуживающей рекомендаціи. Въ этомъ пріемѣ изученія вкусовъ народа было много вниманія къ народу, и это былъ тотъ единственный возможный пріемъ, съ которымъ можно подходить ко взрослому человѣку. Въ то время этотъ пріемъ былъ совсѣмъ новымъ, а теперь его считаютъ нужнымъ примѣнять не только по отношенію ко взрослому, но и по отношенію къ маленькому человѣку, къ ребенку. Значеніе этой книги, на составленіе которой потребовалось нѣсколько лѣтъ упорнаго труда, было очень велико. Появленіе ее вызвало цѣлый хоръ восторженныхъ похвалъ, а на Всемірной выставкѣ въ Парижѣ, гдѣ Х. Д. выставляла

ее, книга получила высшую награду и составительницамъ ея были присуждены медали. Другимъ крупнымъ дѣломъ Х. Д. было созданіе особаго руководства для воскресныхъ школъ, такъ-называемой „Книги взрослыхъ". И здѣсь, и первая мысль, и привлеченіе людей, и масса труда принадлежали Х. Д. Въ воскресныхъ школахъ обыкновенно, за неимѣніемъ особыхъ учебниковъ, приходилось заниматься по дѣтскимъ книгамъ, которыя употребляются въ дѣтскихъ школахъ, и, конечно, неинтересно было взрослымъ людямъ читать побасенки и сказочки. Необходимость особой книги давно и многими сознавалась, но нужна была энергія Х. Д., чтобы взять на себя выполненіе этого дѣла.

Надо было заинтересовать людей этой работой, надо было привлечь къ ней вниманіе, надо было доказать ея необходимость,—и все это сумѣла сдѣлать Х. Д., объединивъ вокругъ „Книги взрослыхъ" массу работниковъ. Огромный трудъ былъ положенъ на это дѣло: статьи составлялись, перечитывались съ ученицами, обсуждались въ собраніяхъ (такихъ собраній было около 200), къ нимъ подбирались рисунки, о нихъ велась огромная переписка съ разными лицами, и вотъ въ результатѣ всей этой работы, душой которой была Х. Д., явились три части „Книги взрослыхъ", которыя теперь можно встрѣтить въ каждой воскресной школѣ.

Въ маѣ 1892 года въ Харьковской школѣ было большое торжество: праздновался 30-лѣтній юбилей Х. Д. и 25-лѣтіе существованія школы. Всѣ тѣ, которые были на этомъ свѣтломъ весеннемъ праздникѣ, не забудутъ его,—такъ задушевно, такъ трогательно прошелъ онъ среди цвѣтовъ и привѣтствій. Вотъ какъ описываетъ его одна изъ присутствовавшихъ на немъ учительницъ: „Первое привѣтствіе было принесено отъ лица дѣтей, учащихся въ семейной школѣ Х. Д. Дѣти важно вступили въ залу съ гирляндами и букетами, а маленькая Христя, дочь Х. Д. прочла составленный ею адресъ. И за этими первыми дѣтскими цвѣтами посыпался цѣлый дождь цвѣтовъ, букетовъ, писемъ, телеграммъ, привѣтствій. Въ 2 часа въ залу вступила процессія учительницъ. Двѣ изъ нихъ несли огромный лавровый вѣнокъ, въ которомъ изъ цвѣтовъ была составлена цифра 30, у другихъ въ рукахъ были душистые букеты, цвѣтущія вѣтки бѣлыхъ акацій, яркія розы. Невыразимо трогательное впечатлѣніе производила эта группа взволнованныхъ молодыхъ и пожилыхъ женщинъ и дѣвушекъ,

пришедшихъ выразить чувства глубокаго уваженія честной работѣ своего старшаго товарища. Послѣ учительницъ говорили многіе другіе: представители обществъ, профессора, частныя лица, и каждый сумѣлъ сказать свое искреннее и горячее слово. А телеграммы и письма! Изъ за границы, изъ Сибири, изъ глухихъ провинціальныхъ захолустій, отъ извѣстныхъ педагоговъ, отъ скромныхъ народныхъ учителей, отъ крестьянъ, отъ бывшихъ ученицъ шли эти письма и телеграммы. И каждое привѣтствіе было такъ хорошо, такъ своеобразно, такъ не похоже одно на другое. Вотъ наивное письмо крестьянина, который благодаритъ Х. Д. за то, что она потрудилась надъ просвѣщеніемъ безграмотнаго люда, вотъ трогательный адресъ отъ гимназистокъ, которыя пишутъ, что Х. Д. указала имъ дѣло жизни; вотъ письмо сельской учительницы, которая говоритъ, что легче жить на свѣтѣ когда знаешь людей, которые такъ любятъ народъ. Конца нѣтъ привѣтствіямъ. А Х. Д., величавая, спокойная, низко склонивъ свою сѣдую голову, какъ бы безсильно опустивъ руки, слушала всѣ эти привѣтствія съ серьезнымъ достоинствомъ и отвѣчала на нихъ глубокимъ, какимъ то поэтическимъ по простотѣ поклономъ. Щеки ея покрылись совсѣмъ молодымъ румянцемъ, глаза горѣли юношескимъ жаромъ, и вся она точно расцвѣтала, молодѣла въ этой атмосферѣ всеобщаго уваженія, симпатіи и любви. А потомъ празднованіе было перенесено въ школу. Огромная свѣтлая комната была вся убрана гирляндами зелени и цвѣтами. Большой портретъ Х. Д., который нарочно для этого торжества былъ принесенъ ученицами, обвитъ лавровымъ вѣнкомъ. Весь полъ усыпанъ зеленью и цвѣтами. Послѣ молебна и рѣчи законоучителя, Катя Сизова, одна изъ старшихъ ученицъ школы, прочла составленный ею трогательный и милый адресъ. „Вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ вы ведете общественное дѣло, читала дѣвушка, тридцать лѣтъ, какъ трудитесь для блага народа, для народнаго просвѣщенія. И за это время сколько сдѣлали вы славнаго добраго, хорошаго, сколько принесли общественной пользы. Какъ преданы вы своему дѣлу, съ какою любовью относитесь къ нему, вы всю душу вкладывали въ него, и какъ любите насъ, научаете всему хорошему, стараетесь прививать намъ все честное доброе благородное“! Голосъ Кати на минуту какъ бы оборвался и задрожалъ слезами, но она передохнула, оправилась

Х. Д. Алчевская въ 1912 году.

и дочитала съ глубокимъ чувствомъ. Папка, въ которую былъ положенъ адресъ ученицъ, очень удачно гармонировала со всей обстановкой этого свѣтлаго праздника: она была изъ бѣлаго атласа, съ вышитыми на немъ незабудками—работы ученицъ; „Дорогой учительницѣ Христинѣ Даниловнѣ Алчевской“, гласила также шелкомъ вышитая надпись, а самый адресъ былъ покрытъ болѣе чѣмъ девятью стами подписей: рядомъ съ красивымъ увѣреннымъ почеркомъ стояли каракули едва выучившейся грамотѣ, и вкривь и вкось шли эти разнообразныя подписи, но каждая изъ нихъ говорила такъ много. Изъ-за строкъ этихъ наполнившихъ два листа подписей вставали передъ глазами простыя добрыя лица и, казалось, раздавались слова одного изъ ученическихъ писемъ: „мы были какъ слѣпыя, а теперь узнали радость и счастье“. Какое трогательное впечатлѣніе производила эта убранная зеленью зала эти цвѣты, вѣнки, зелень, эти взволнованныя лица, эти отуманенные слезами глаза; 60-лѣтняя старушка, самая старая ученица школы, взобралась на стулъ, чтобы все видѣть и утирала глаза кончикомъ клѣтчатаго платка...

На минуту все стихло, и Х. Д. сказала нѣсколько словъ своимъ красивымъ груднымъ голосомъ. Она благодарила ученицъ за ихъ дорогую для нея ласку и привѣтъ, говорила, что глубоко тронута и гордится этимъ, „но—прибавила она,—сегодняшній праздникъ не мой только праздникъ, и я не могу одна принять вашу благодарность. Одна—я, продолжала она,—не смогла бы сдѣлать того, за что вы такъ ласково благодарили меня; одному человѣку это не подъ силу. Мои товарищи, друзья и помощники, всѣ учительницы нашей школы,—вотъ кого благодарите. Онѣ работали честно и стойко, иныя изъ нихъ отдавали школѣ единственный свой свободный день, онѣ поддерживали меня въ тяжелыя минуты нашей школьной жизни; онѣ—такія же, какъ и я, участницы сегодняшняго праздника“. И въ устахъ Х. Д. эти слова были совершенно искренни; она никогда не отдѣляетъ себя ни отъ любимаго дѣла, ни отъ своихъ товарищей по дѣлу; въ признаніи своихъ заслугъ она видитъ торжество дѣла и его участницъ, а въ своемъ праздникѣ,—праздникъ школы и своихъ сотрудниковъ. И вотъ со времени этого праздника прошло еще 20 лѣтъ, а Х. Д. каждое воскресенье на своемъ посту. Ей уже 71 годъ, она съ трудомъ поднимается по лѣстницѣ, и ее на креслѣ вносятъ въ классъ „Плоть немощна“. Но духъ

такъ же бодръ въ этой удивительной женщинѣ, и на него не дѣйствуютъ годы. На него не дѣйствуютъ и испытанія. 10 лѣтъ тому назадъ Х. Д. пережила огромное личное несчастье. Трагически умеръ ея мужъ, человѣкъ, котораго она беззавѣтно любила и съ которымъ дружно прожила 40 лѣтъ; какъ сонъ, исчезло ея огромное богатство; пришлось продать домъ, въ которомъ она счастливо прожила долгіе годы; пришлось продать ея роскошное имѣніе Алексѣевку, гдѣ она создала свою школу, гдѣ была ея хатка, въ которой она столько лѣтъ подъ-рядъ читала съ крестьянами. Пришлось переселиться въ маленькую квартирку и начать скромную жизнь на заработокъ дѣтей. Нелегко человѣку немолодому (Х. Д. было въ это время 60 лѣтъ) привыкать къ новому строю жизни, да еще подъ гнетомъ огромнаго личнаго горя. Но не сломилась сильная натура ея, не поддалась она несчастью, не опустила рукъ, а продолжала жить и работать. И въ день ея 50-лѣтняго юбилея въ этомъ году, опять, какъ 20 лѣтъ назадъ, объединятся всѣ въ чувствѣ горячаго сочувствія и искренняго уваженія къ человѣку, который такъ честно дѣлаетъ свое „дѣло жизни“.

Э. Вахтерова.

Тип. П. П. Рябушинскаго, Москва.